

Н.С. РОЗОВ

Динамика расцветов и распадов обществ: на пути к охватывающей парадигме

В статье представлен эскиз охватывающей парадигмы исторической динамики в форме теоретического объяснения диаметрально противоположных векторов развития – расцветов и распадов обществ – через действие базовых человеческих потребностей, закономерностей, механизмов формирования и изменения социальных отношений и структур, психических установок и габитусов, культурных образцов. Соответствующая фазовая модель включает негативные вызовы (ущерб, угроза); позитивные вызовы (открывающиеся возможности); разные типы ответных стратегий (паттерн доверия и паттерн отчуждения); начальные и сопутствующие условия, которые либо подкрепляют, либо тормозят, подрывают эти паттерны. Данная понятийная конструкция, не будучи теорией, соединяет множество измерений социально-исторического познания, устанавливает связи между уже имеющимися и потенциальными теориями социальных и исторических изменений, то есть имеет статус охватывающей парадигмы.

Ключевые слова: историческая динамика, охватывающая парадигма, расцвет общества, распад общества, исторические закономерности, базовые потребности, ритуалы, вызовы и ответы, установки, габитусы, доверие, отчуждение, конфликт, конкуренция, сотрудничество.

Идея истории состоит в разнообразии и изменениях конкретностей. Идея философской антропологии – в единстве человеческой природы. Идея социальной философии – в единстве сущностных свойств обществ, их функционирования и развития.

Макросоциология выступает посредником между историческими и философскими представлениями о человеке и обществе в том смысле, что ищет закономерности и механизмы развития обществ в разных местах и в разных эпохах. Разнообразие и неповторимость конкретных исторических явлений здесь не отрицаются, но объясняются на основе общих принципов и особенностей сложившихся условий [Гемпель 2000; Тилли 2009; Розов 2009; Розов 2011; Коллинз 2015].

Исходная онтологическая гипотеза включает вполне классические идеи макросоциологии. Людям в любых обществах и эпохах присущ сходный набор *базовых стремлений, потребностей*, в который входят жизнеобеспечение, безопасность, социальный статус, богатство, власть, причастность к святыням, ценностям. Об этом говорили Платон, Н. Маккиавелли, К. Маркс и Ф. Энгельс, М. Шелер, А. Маслоу, М. Вебер. В разных культурных и социальных обстоятельствах эти стремления конкретизируются, а следуя им, люди вступают в *отношения*, из которых строятся более крупные *социальные структуры и институты*: семьи, кланы, иерархии, государства, компании, рынки, сети (Аристотель, Дж. Вико, И. Гердер, Л. Морган, А. Тойнби, Й. Шумпетер и др.). Такие структуры со связями солидарности и субъектностью в качестве *акторов*

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, профессор философского факультета Новосибирского государственного университета. Адрес: Пирогова ул., д. 2. Новосибирск, 630090. E-mail: nrozov@nsu.ru.

также вступают в отношения между собой, притом, что столкновения интересов и конфликты могут приводить к установлению правил, к новым институтам и целостностям (И. Кант, Г. Гегель, Г. Зиммель, Л. Козер, Р. Карнейро, Ч. Тилли). В разных внешних и внутренних условиях согласно общим моделям исторической динамики происходит закономерная эволюция (включающая и прогрессы, и регрессы) разных обществ, их институтов, других социальных структур. Общность условий приводит к общности следствий (Э. Дюркгейм, К. Гемпель). Соответствующие закономерности можно и нужно выявлять, усматривая их в видимой уникальности и неповторимости исторических явлений¹.

Выбор паттернов исторических траекторий обществ

Разнообразие исторических траекторий обществ необъятно, поэтому для начальной проверки гипотезы нужно взять только идеальные типы крайних проявлений. Очевидные полюса – расцветы и распады обществ. Под расцветом обычно понимают рост творчества, престижа, богатства и могущества. Повышение уровня сложности общества, измеряемого количеством черт по Карнейро, также может служить показателем расцвета [Carneiro 1970].

Далее будем различать *расцвет* как самотрансформирующийся рост в основных социальных сферах (культура, экономика, политические и правовые отношения, уровень и качество жизни населения, международное положение) и *подъем*, ограниченный ростом в военной силе, могуществе, территориальном расширении, а также в поддерживаемых государством вспомогательных сферах: технологиях, производстве, строительстве, образовании. Это различие значимо, поскольку процессы роста и подъема соответствуют разным моделям динамики. Подъемы суть часть *циклической динамики*, в которой присутствуют также фазы *стагнации* и *упадка* [Chase-Dunn, Hall 1997; Розов 2011, гл. 7–10].

Распад (коллапс) – не только крайняя степень упадка. При нем не просто снижается уровень социального функционирования, но деформируются ключевые институты и связи общества, которые удерживали его целостность, рушится государственность, отпадают провинции [Skocpol 1979; Tainter 1988; Коллинз 2015, гл.2].

Исходная фазовая модель динамики

Любые существенные изменения в обществе означают, что люди стали вдруг вести себя по-другому. При масштабных изменениях свое поведение меняют правящие и влиятельные элиты либо для сохранения пошатнувшегося положения, либо для использования открывшихся заманчивых перспектив. Здесь вполне адекватна классическая схема “вызов-ответ” [Тойнби 1991]. Очевидно, что на сходные *вызовы* разные акторы в разных местах и временах дают разные *ответы*. Поэтому добавим в конструкцию *начальные условия*, имеющиеся и внутри, и снаружи общества. Далее начинаются сложные, разветвляющиеся и смыкающиеся в циклы процессы. Их разнообразие необъятно, зато на помощь приходят исходные посылки и базовая онтология. На выходе должны получиться либо расцвет, либо распад. В любом случае происходят существенные изменения в социосфере (*отношения и институты*), психосфере (*установки и их комплексы – габитусы*), культуросфере (*образцы, передающиеся при смене поколений: символы, святыни, ценности, принципы*) и в материальном мире (демография, расселение, инфраструктура, техника и технологии, экология).

Эти изменения выражаются в *интерактивных ритуалах* [Goffman 1967; Collins 2004; Коллинз 2002, гл.1; Розов 2011, гл.3] – коллективных действиях, своего рода эмо-

---

¹ Из необозримого множества общих концепций исторической динамики укажу только на те работы, что представляются наиболее конструктивными и будут использованы в дальнейшем изложении [Даймонд 2008; Тилли 2009; Норт, Уоллис, Вайнгайт 2011; Коллинз 2015; Collins 1986; Tainter 1988; Sanderson 1995; Goudsblom, Jones, Menzel 1996; Snooks 1996; Chase-Dunn, Hall 1997].

ционально-импрессивных “машинах”, в которых реализуются и трансформируются отношения, психические установки, актуализируются или становятся латентными доставшиеся от прошлых поколений культурные образцы. Установки воплощаются в поведении индивидов и групп (реакциях на события, повседневных практиках, долгосрочных стратегиях), что приводит к *макрособытиям* (ярким коллективным акциям, столкновениям, принятию новых законов, знаковым судам, насилию, сменам власти, мобилизациям, мятежам, революциям, войнам и проч.). Макрособытия всегда оказываются в фокусе внимания новых ритуалов, в которых опять трансформируются отношения и установки, уходят в тень, дискредитируются одни образцы и выходят на первый план другие.

Определяется ли все происходящее только вызовом и начальными условиями? Нет, разумеется, здесь вмешиваются *сопутствующие условия*, которые могут как усиливать, так и тормозить главные тренды. В эти условия резонно включать только то, что не зависит от указанных выше циклических процессов и макрособытий. Это прежде всего процессы, происходящие на внешней арене (в геополитике, геэкономике, геокультуре), а также меняющийся доступ к разного рода ресурсам [Mann 1987; Chase-Dunn, Hall 1997; Даймонд 2008]. В теоретическом плане значимы не только дифференцирующие условия, но и общие, универсальные составляющие. Таковы *базовые потребности индивидов и групп* (в том числе, организаций и государств), а также *общие закономерности и механизмы динамики* (в том числе, закономерности образования, изменения социальных структур, психических установок и культурных образцов).

Современные суждения о базовых потребностях используются в качестве исходных предпосылок и не слишком выходят за рамки неовеберизма. Так, к базовым относятся потребности в повышении или сохранении уровней безопасности, автономии (доминировании, власти), благосостояния, социального положения, эмоционального и духовного комфорта. Они примерно соответствуют классическим сферам насилия, политики, экономики и культуры/религии/идеологии [Collins 1987; Mann 1986]. При появлении *акторов* – сплоченных групп разного масштаба с единой субъектностью (семьи, кланы, организации, партии, государства, блоки государств с единым руководством) – базовые потребности правящих элит и лидеров остаются теми же, хотя природа безопасности, могущества, богатства и престижа для социальных целостностей крупных масштабов может существенно меняться.

Наибольший познавательный интерес в данном исследовании представляет последний блок в данной конструкции – *общие закономерности и механизмы динамики*. Методологически этот блок играет роль универсальной гипотезы в схеме научного объяснения К. Гемпеля [Гемпель 2000], но с существенным усложнением: речь идет не об одном процессе, который *при* заданных начальных условиях и верности гипотезы должен привести к явлениям определенного класса, а о множестве разномасштабных и разнонаправленных процессов, связанных между собой в циклы и сети. Соответственно, мы здесь имеем дело не с одной гипотезой, а множеством групп гипотез, относящихся к разным аспектам и разным масштабам исторической динамики, начиная от ритуальных действий “здесь и сейчас” и кончая вековыми трендами.

Наконец, сложная сеть процессов в зависимости от своей направленности – действия базовых потребностей акторов и общих закономерностей динамики при сопутствующих условиях – приводит либо к мегатенденции “лифт” и расцвету, либо к мегатенденции “колодец” и распаду, либо к средним вариантам, в том числе стагнации и циклической динамике². Общая схема последовательности фаз представлена на рисунке.

---

² Мегатенденции – это совокупности тенденций (трендов), соединенных контурами положительной обратной связи. Мегатенденция “лифт” включает тренды роста и развития. Мегатенденция “колодец” – тренды падения и разрушения [Розов 2011, гл. 2]. При средних вариантах либо положительные связи компенсируются отрицательными (стагнация, стабильность), либо контуры положительной связи работают в одну, то в другую сторону (циклы подъемов и упадков прежде всего в экономике).

Рис. Исходная фазовая схема для объяснения противоположных векторов исторической динамики.

Какие отношения ведут к распаду или расцвету обществ?

В каждом распаде главную роль играет конфликт (множество конфликтов), причем конфликт *антагонистического характера*, когда стороны видят его разрешение в *подавлении* противника, в крайних случаях гражданских и международных войн – вплоть до его физического уничтожения. Само подавление, которое может включать лишение власти и влияния, лишение имущества и доступа к ресурсам, унижение достоинства, изгнание, всегда предполагает момент *принуждения – использования насилия или угрозы насилия*. В классической конфликтологии (работы Зиммеля и Козера) известно, что внутри каждой конфликтующей стороны растет *солидарность*. Это особая солидарность, которая тем больше получает характер *мобилизации и властной иерархии*, чем острее и жестче конфликт. Поскольку антагонистические конфликты при распаде как раз максимально жестки, то следует ожидать, что внутри каждой стороны будут преобладать отношения иерархии и власти, централизации ресурсов, что в разной мере сочетает добровольность и принудительность. Отмечу, что уже второй раз возникло отношение принуждения.

Сама добровольность в мобилизации при антагонистических конфликтах существенно отличается от добровольности участия субъекта в экономической, творческой, политической жизни, когда он ожидает отдачи, выигрыша для себя и своей группы, поскольку отказ от участия в общей борьбе обычно ведет не к отсутствию выигрыша, а к социальным санкциям со стороны соратников и лидеров. Иными словами, фоном

для добровольной мобилизации в конфликте, пусть даже неосознаваемым, все равно является принуждение³.

Итак, основные социальные отношения в процессах, ведущих к распаду общества, — это *антагонистический конфликт* между сторонами, а также *принуждение* как попытки подавления, применения угроз и насилия между сторонами и как средство мобилизации внутри каждой стороны, даже при видимой добровольности.

В обществах, переживающих расцвет, на первый план всегда выходит *сотрудничество* (*кооперация*). Оно может иметь и горизонтальную (равноправную), и вертикальную (иерархическую, властную) структуру. Отличие последней от властных иерархий в конфликтной мобилизации состоит в приоритете получения отдачи, выигрыша каждого участника отношений от своего вклада, а также в более широких возможностях ухода, выбора своего места. Отказавшийся от участия в иерархической группе (организации) теряет потенциальный выигрыш от сотрудничества (вознаграждение, перспективы личных достижений в данном месте), но обычно не подвергается санкциям за “предательство”, “дезертирство”, как это бывает в мобилизационных иерархиях при антагонистических конфликтах.

Происходят ли конфликты в периоды расцвета? Разумеется. Но они обладают важными особенностями и парадоксальным образом, по Канту, способствуют расцвету — появлению новых эффективных социальных форм и культурных образцов [Кант 1994].

Во-первых, конфликты в эти периоды редко бывают крупными и антагонистическими, поскольку это подрывало бы процессы расцвета. При расцвете участники сотрудничества получают выигрыш и отдачу от своих усилий, постоянно растет “пирог для дележа”, открываются новые ниши для достижения успеха и превосходства, тогда как антагонистические конфликты обычно возникают при дефиците ресурсов, сокращении ниш, взаимных унижениях и обидах, когда достигают “превосходства” через унижение соперников за дефицитный ресурс признания, власти или богатства. Во-вторых, даже острые конфликты, грозящие перерасти в антагонизм, в большинстве случаев эффективно и мирно разрешаются через специальные социальные институты, будь это совет старейшин, общее собрание, суд, конкурс или новые выборы. В-третьих, большинство конфликтов благодаря этим институтам обретает форму *конкуренции и мирного состязания по правилам*. Значимость состязаний превосходит функцию умиротворения конфликтов. Состязания любого рода — исключительно мощный фактор *мотивации* участников. Если правила составлены так, что поощряются творчество, труд, способности, результаты, то все участники будут максимально прилагать свои силы для достижения выигрыша.

Экономическая конкуренция (особенно яркая сегодня в автомобилестроении, производстве компьютеров, гаджетов) представляет собой естественное состязание с теми же принципиальными эффектами: выигрыш на рынке получают производители более качественных, разнообразных и дешевых продуктов.

Политическая конкуренция на выборах как борьба за голоса избирателей, с одной стороны, переводит в мирное русло конфликт между силами, претендующими на власть, а с другой — способствует при известных условиях (свободная пресса, независимый суд, открытые честные выборы, преобладание ответственных граждан, среднего класса среди избирателей и т.д.) повышению качества политиков, а значит, и политических решений, прежде всего применяемых законов, правил сбора и перераспределения ресурсов, которые способствуют экономическому росту и культурному расцвету.

Итак, в процессах расцвета основные социальные отношения, структуры — *добровольное сотрудничество* (горизонтальное и вертикальное), *эффективные институты разрешения конфликтов* и *мирные состязания*, включающие экономическую и политическую конкуренцию.

---

³ Ситуации типа “кому война, а кому мать родна”, то есть случаи стабильного извлечения выгоды отдельными субъектами и институтами от участия в антагонистическом конфликте, в данном случае не рассматриваются. Саму возможность такой “прагматичной добровольности” создает отношение конфликта. Кроме того, она способствует, скорее, продолжению разрушительного конфликта, ведущего к распаду, иными словами, не разворачивает вспять, а напротив, усугубляет деструктивную динамику.

Что ведет к преобладанию тех или иных отношений?

Смена преобладающих отношений в обществе – всегда кардинальный поворот. Либо с бывшими противниками начинают общаться, мирно состязаться, сотрудничать, либо напротив, бывшие партнеры, коллеги, соратники становятся опасными врагами, которых нужно изгонять, подавлять вплоть до уничтожения. Такие перемены никогда не происходят без больших эмоциональных потрясений, без существенных изменений в картинах мира и без смены ориентации на моральные, политические принципы, религиозные святыни и заповеди, этнические образцы.

Крайняя вражда (война) или теснейшее сотрудничество (готовность породниться) не возникают одновременно, а как правило, оказываются результатом многократных взаимных действий, “ходов”, которые либо усугубляют отчуждение и ненависть, либо, напротив, ведут к росту взаимного доверия, уважения, желания общаться, обмениваться и сотрудничать. Здесь уже просматривается соответствующая исходной схеме конструкция: непременно должен произойти вызов (серия вызовов), вызывающих шок, ответом на который будет изменение установок и поведения влиятельных групп в обществе. В зависимости от характера вызова, а также от неких внутренних и внешних условий это изменение развивается в сторону либо антагонистического конфликта и принуждения, либо сотрудничества, состязаний и институтов разрешения конфликтов. Эти условия и будут предметом дальнейшего обсуждения, здесь же укажу только на вытекающие из общих теоретических соображений следствия.

Установки, поведенческие стратегии и практики существенно меняются в интерактивных ритуалах [Goffman 1967; Collins 2004; Коллинз 2002, гл. 2], а единая направленность такого изменения означает, что происходит положительное подкрепление одного комплекса установок, действий и отрицательное подкрепление – других [Розов 2011, гл. 3]. Допустим, попытки продолжать обмены и сотрудничество, договариваться о правилах взаимодействия жестко пресекаются (отрицательное подкрепление), тогда как собственные агрессивные атаки ведут к явным победам (положительное подкрепление). Попытки чужих атак все больше убеждают, что мирно уже ничего не наладить, что надо защищаться, мобилизоваться, бороться и мстить. Когда такие процессы происходят между разными группами, имеет место типичная эскалация конфликта с вероятным ростом мобилизации, властной иерархии и принуждения в каждом лагере. Назову сложный комплекс таких процессов *паттерном подкрепления стратегий отчуждения*, или короче: *паттерном отчуждения*.

Напротив, в определенных условиях попытки начинать или продолжать агрессивные атаки оборачиваются провалом и ущербом (отрицательное подкрепление), тогда как начавшаяся коммуникация обещает заманчивые выигрыши, а попытки реализовать договоренности – уступки, обмен, совместные действия, взаимный контроль и т.д. – вдруг оказываются успешными (положительное подкрепление). Это ведет к новым раундам переговоров, повышению доверия и уровня сотрудничества, налаживанию структур мирного разрешения конфликтов и правил состязаний, конкуренции. Этот комплекс процессов назову *паттерном подкрепления стратегий доверия*, или короче: *паттерном доверия*.

Условия паттерна отчуждения

Вызовы, то есть макрособытия, требующие существенного изменения поведения влиятельных групп [Розов 2011, гл. 2], можно поделить на *негативные* – вызов-ущерб и вызов-угроза – и *позитивные* – вызов-шанс, вызов-перспектива, вызов-приманка.

Могут ли негативные вызовы приводить к паттерну отчуждения? Пожалуй, да. Яркая литературная метафора содержится в одном из рассказов Р. Киплинга про Маугли, где найденный им в пещере королевский анкас – боевой топор, украшенный драгоценными камнями и золотом, – послужил причиной серии убийств среди жаждущих присвоить такое богатство. Исторически реальным и масштабным примером могут служить войны европейских держав из-за колоний и за колонии.

Следует отметить способствующие паттерну отчуждения условия: вызов-шанс может быть реализован только одним соперником (или каждый в этом уверен), то есть имеет место *игра с нулевой суммой*, привлекательное благо не делится, участники имеют свой или чужой *опыт агрессивной, насильственной борьбы* за неделимое благо. Нет внешних достаточно авторитетных и могущественных социальных структур, которые препятствовали бы эскалации конфликта и ограничивали бы взаимные агрессию и насилие.

Пожалуй, в большинстве случаев к паттерну отчуждения ведут негативные вызовы, представляющие собой либо прямой ущерб (утрата, появление дефицита или помехи, обнищание, ограбление, нападение, вытеснение, завоевание, порабощение, унижение), либо угрозу ущерба. Если причина ущерба или фактор угрозы – внешние относительно общества, то резонно ожидать, скорее, консолидации групп в ответ на такой вызов. Однако когда причина угрозы с той или иной степенью (не)справедливости приписывается какой-то группе в обществе, наблюдается рост внутреннего отчуждения. Так, в инфляции могут обвинять банкиров, в эпидемии чумы – врачей, в военных поражениях – царскую семью и центральную бюрократию, в алкоголизации населения – евреев, в экономическом спаде – профсоюзы рабочих и т.д.

Вообще говоря, *атрибуция вины за ущерб или угрозу*, последующие обмены обвинениями – типичное начало паттерна отчуждения. Эти обвинения вполне могут иметь объективную основу, когда, например, банки безответственно выдают кредиты, и это затем через “эффект домино” приводит к масштабному экономическому кризису. Однако большую роль играют также когнитивные установки – привычные *фреймы*, связывающие определенный ущерб с определенными группами. Вне зависимости от степени оправданности обвинений спусковым крючком для запуска паттерна отчуждения и эскалации антагонистического конфликта выступает связка: ущерб – взаимное приписывание вины – попытки наказания и подавления “назначенных виновными”.

Смещение внимания с преодоления вызова на подавление его виновников (реальных или предполагаемых) – типичный психологический эффект *сдвига мотива на цель*. Ритуалы обвинений, вражды, замыслов и реализации следующих атак становятся более частыми и внушительными, чем ритуалы реакции на сам вызов: ущерб или угрозу. Подкрепляющими этот паттерн начальными и сопутствующими условиями являются внутренние меню организации ритуалов и стратегий наказания, подавления, а также отсутствие внешних ограничителей для такого поведения. В число внутренних условий входят также культурные (доставшиеся от прошлых поколений) образцы, прежде всего такие символы, смысловые гнезда, негативные ценности, как “враг”, “предательство”, “измена”, “отмщение” и т.д.

При этом смысловые связи между “наказанием виновника” и преодолением вызова ослаблены, мистифицированы или вовсе отсутствуют. Пример – хрестоматийная история о римских святошах, которые объясняли поражения от варваров несоблюдением девственности юными римлянками и все силы направляли на нравственные проповеди, наказания ослушниц вместо того, чтобы вдохновлять сограждан на оборону.

Следует добавить, что “наказание виновника” независимо от его справедливости необязательно ведет к эскалации конфликта. Нередки ситуации, когда наказывающий гораздо сильнее жертвы, и конфликт быстро разрешается победой одной стороны. Обычно победителем бывает авторитарный правитель или режим, пусть даже в результате этот режим больше скатывается к диктатуре, но в этих случаях общество не движется к распаду, хотя глухое напряжение, отчуждение может сохраняться.

Пока не сформируются силы, сопоставимые с силой режима, сам паттерн отчуждения и эскалации конфликта не будет актуализован. Таким образом, для последнего нужно добавить такое условие, как *паритетность*, сопоставимость ресурсов борьбы (влиятельность, массовая поддержка, сила, организованность) у сторон конфликта.

Но и при паритете сил стороны сохраняют возможность прекратить взаимные атаки, насилие, угрозы, перейти к переговорам и поиску компромиссов. Обычно этому

препятствуют надежды каждой стороны на победу, провалы переговоров и нарушения прежних договоренностей, действительное или мнимое коварство противников, усиление хотя бы в одной из сторон конфликта сторонников войны и насилия.

Условия паттерна доверия

Из общих соображений следует учитывать способность и позитивных (новые шансы), и негативных (ущерб, угроза) вызовов запускать процессы, ведущие к росту доверия, обмена и сотрудничества. В первом случае ожидаемое *благо должно быть делимым и способным к увеличению*, чтобы активность групп в борьбе за его обладание не превращалась в “игру с нулевой суммой”. Новые типы продуктов и новые рынки сбыта в экономике, новые творческие стили в искусстве, новые области исследования в науке, новые идейные пространства в философии, новые физические эффекты и конструктивные принципы в технологиях – все это обещает выигрыши для многих участников, притом, что границы роста этих выигрышей обычно вообще не видны в начале пути. Поэтому в данных условиях следует ожидать скорее общего энтузиазма, вдохновенных обсуждений, создания новых кружков и союзов, чем взаимных обвинений и конфликтов. Вот когда в границах стиля становится уже тесно, тогда начинается “толкучка”, сопряженная с ревностью, отстаиванием приоритета, обвинениями в плагиате. Такие процессы могут затормозить, даже остановить творчество и расцвет, но сами по себе вряд ли приводят к антагонистическим конфликтам, чреватым распадом общества. Во втором случае особенность ущерба и угроз состоит в том, что они приводят не только и не столько к взаимным обвинениям, сколько к консолидации. Разумеется, согласно тому же классическому принципу Зиммеля и Козера, именно общая угроза извне общества способствует его консолидации для защиты и отпора [Козер 2000].

Допустим, есть объективная или мнимая вина некоторой группы в появлении негативного вызова – ущерба или угрозы. Здесь виновника либо прощают из-за важности консолидации, либо наказывают так, что это не приводит к последующему отчуждению и эскалации конфликта. Такое происходит, когда самим виновником и окружающими наказание воспринимается не как подавление одного актора другим, а как справедливое *выполнение установленных правил*. Иными словами, значимое условие легитимности наказания и купирования конфликта – наличие признанных в обществе правил и институтов, согласно которым осуществляются санкции. Однако отсутствие конфликта отнюдь не означает запуска паттерна доверия и движения к расцвету. Нужны добавочные факторы. Поскольку по условиям задачи растут обмен, партнерство, сотрудничество, то должна открываться сфера деятельности, причинным образом связанная с ущербом или угрозой.

Даже на отвлеченном теоретическом уровне становится понятен смысл искомого фактора. Люди объединяют усилия для восполнения какой-то общей и острой нужды. Иными словами, мы приходим к классической конструкции *спрос-предложение*, которую, однако, надо понимать гораздо шире, чем в узком – экономическом – смысле. Вероятность военного нападения рождает спрос на оборонительные сооружения, на подготовку армии и снабжение ее оружием. Распространение терроризма требует создания эффективных спецслужб и средств распознавания готовящихся терактов. Угроза засухи вызывает спрос на способы доступа к воде, ее добычи и сохранения. Опасность цунами – спрос на системы раннего распознавания и оповещения, а рост преступности – на развитие правоохранительных органов.

Почему ущерб и угроза начинают трактоваться как спрос? Вероятно, главным остается *эффект колеи* (ранее пройденного пути): есть успешный опыт создания коалиций, организаций, проектов для преодоления прошлых вызовов. Также должна появиться известная возможность создания новых социальных целостностей, в рамках государства или вне его, направленных на преодоление новых угроз и ущерба.

Допустим, в обществе произошла консолидация, в ответ на вызов дан эффективный ответ, ущерб или угроза, воспринятые как спрос, получили адекватное предложение. На

этом процесс может остановиться, и паттерн доверия не получит дальнейшего развития. Для этого должны появиться либо *новый спрос*, либо *новые позитивные вызовы* – открывающиеся привлекательные возможности.

Естественная причина нового спроса заключается в *появлении новых дефицитов и помех* в деятельности. Для постройки фортификаций, для создания и вооружения армии, эффективных спецслужб, для сохранения воды, для предотвращения пожаров, для остановки роста преступности, наркомании, эпидемий всегда чего-то не хватает. И даже когда всего хватает, возникают помехи, препятствия для достижения целей. Иными словами, кооперативная деятельность, отвечающая на начальные вызовы, приводит к новым спросам, требующим новой кооперации и новой деятельности.

Кроме того, достигнутые результаты часто открывают *новые, ранее отсутствовавшие возможности*. Построенные для борьбы с засухой плотины и каналы позволяют обрабатывать новые земли. Созданная для обороны армия проявляет себя способной к завоеваниям. Искусственные спутники, изобретенные в ходе гонки вооружений и из соображений государственного престижа, оказались полезны для множества новых сфер приложения – от метеорологии и космических телескопов до телевидения и электронных коммуникаций. Придуманый для координации американских военных сил Интернет до сих пор продолжает открывать все новые и новые возможности в гражданской сфере во всем мире.

Фактически здесь воспроизводится известная схема А. Тойнби, объяснявшего рост цивилизаций через серию вызовов и серию эффективных ответов на эти вызовы [Тойнби 1991]. Добавление состоит в упоре на особую способность групп в обществе систематически воспринимать новые трудности, неприятности, проблемы, а также открывающиеся возможности в качестве спроса, требующего новых форм сотрудничества (коалиций, проектов, организаций, деятельностей, структур обеспечения), причем лидеры и участники этого сотрудничества должны *вознаграждаться за успех* в предоставлении адекватного предложения на этот спрос.

Также, кроме начальных условий (опыта прошлого успеха ответов на спрос), требуются сопутствующие условия. С одной стороны, они должны способствовать успеху новых коалиций, что подкрепляет отношения сотрудничества и взаимного доверия, солидарности, а с другой – поставлять новые вызовы: негативные (дефициты, угрозы) и позитивные (привлекательные возможности). Причем группы должны воспринимать эти вызовы в качестве новых сфер спроса, для успешного удовлетворения которого есть механизмы вознаграждения.

Структуры конкуренции и мирного разрешения конфликтов

Дефицит ресурсов и дефицит мест в иерархиях власти, богатства, социального статуса, престижа – универсальные условия человеческого существования с редкими и временными исключениями. Соответственно, борьба за эти дефицитные места имеет также всеобщий и неизбежный характер. Долгое отсутствие такой борьбы в больших социальных группах указывает не столько на достигнутую мудрость, самодостаточность человеческой природы, сколько на эффективные социальные механизмы подавления базовых стремлений (например, в жестком кастовом, рабовладельческом, крепостном обществах, в монастырях, тюрьмах и трудовых лагерях).

Как мы уже видели, борьба за дефицитные места и ресурсы может приводить к антагонистическим конфликтам, особенно при негативных вызовах и взаимных обвинениях. При каких же условиях эта борьба получает характер не просто мирный, но также способствующий паттерну доверия и расцвету всего общества? По-видимому, первое и главное условие – жесткий *запрет на насилие и принуждение угрозой насилия* вне общих безличных правил. Действительно, без такого запрета либо сильнейшая группа установит репрессивный режим в отношении остальных групп, либо будет происходить постоянная распря между примерно равными по силе группами с рецидивирующим насилием. В обоих случаях нет никаких стимулов для создания механизмов мирного

разрешения конфликтов, систем правил для состязаний и конкуренции [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011]. Запрет на насилие может быть установлен как правящей группой, так и противоборствующими группами. В обоих случаях ключевое условие состоит в том, что издержки и опасности насильственной борьбы оказываются больше, чем издержки отказа от нее и ограничения насилия сводом правил, соответствующими институтами контроля (общим собранием, судом).

Лишенные возможностей пробивать себе дорогу силой, акторы (амбициозные индивиды, группы, партии, производители и торговцы) вынуждены договариваться между собой, кому и на каких основаниях давать первенство, как занимать места в иерархиях, кому представлять тот или иной доступ к ресурсам, и т.д. В истории известно множество таких критериев, как то: аристократическая родовитость, местничество как ее частный случай, поединки, жребий, указания в мистических ритуалах, геройство и успехи в войне, охоте, спортивных состязаниях, риторическое искусство как способность получать публичную поддержку, накопленное богатство и имущественный ценз, экономический успех на рынках, решение жюри – группы уважаемых авторитетов, назначение общепризнанным монархом или духовным лидером (патриархом, папой, далай-ламой, аятоллой и т.д.), наконец, аристократические (как в Священной Римской империи), олигархические (как в средневековой Венеции) или демократические (с весьма различной шириной избирательного права) выборы [Тилли 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011; Коллинз 2015].

Здесь нет задачи выяснить преимущество того или иного механизма состязания и борьбы за дефицитные позиции. Для условий паттерна доверия, ведущего к расцвету общества, важны только долговременные следствия следующих механизмов:

- критерии выигрыша должны вести к напряжению усилий участников в деятельности, способствующей эффективным ответам на вызовы, удовлетворению общественного спроса в той или иной области, развитию новых, полезных людям предметов, процессов, структур, новых сфер активности, и в качестве итога – расцвету общества;

- необходимо, чтобы состязание было открытым и индивиды, группы с большим потенциалом не отвергались по каким-то внешним критериям (сословным, расовым, этническим, конфессиональным, гендерным, партийным, идеологическим и т.д.);

- требуется открыть каналы вертикальной мобильности, сохранять свободу создания организаций, поставить заслон для того, чтобы захватившие высшие позиции элиты не превращались в замкнутую секту, тормозящую продвижение новых талантов.

Общее требование к сопутствующим условиям паттерна доверия, ведущего к расцвету, состоит в систематическом положительном подкреплении идей, лидеров и результатов сотрудничества, эффективно отвечающего на вызовы, в подкреплении, способствующем признанию действия институтов и правил разрешения конфликтов, состязаний и конкуренции, а также в отрицательном подкреплении раздоров, нарушения правил и соскальзывания к неправомерному насилию.

Успехи (положительное подкрепление) и провалы (отрицательное подкрепление) зависят не только от самого качества сотрудничества и институтов (рациональности, правильности, адекватности, профессионализма, обеспеченности средствами), но и от сложившихся внешних обстоятельств, расстановки сил, от попадания в те или иные периоды охватывающих циклов, наконец, от случайных сочетаний факторов [Даймонд 2008]. Паттерны доверия зависимы и уязвимы от провалов особенно на начальных этапах, когда слабые ростки новых структур и практик могут быть легко дискредитированы и подавлены. В этот же период исключительно важны успехи. Если связи доверия, институты и правила укрепились, провалы уже не могут их разрушить, но трактуются как новые вызовы и спрос на новые проекты и практики [Коллинз 2015, гл.4].

Кроме этого, успехи и провалы имеют не только объективную, но и субъективную природу, то есть зависят от направленности каузальной атрибуции: в чем увидят члены коалиции причины провала и какой вывод на будущее из него сделают. Вина может быть возложена либо на внешние силы и обстоятельства (тогда требуется дальнейшее сплочение), либо на просчеты, ошибки, предательство кого-то из лидеров (тогда возникает риск раскола, подрыва паттерна доверия и распада группы, коалиции), либо на недо-

статочные усилия (тогда делается упор на те же цели и задачи), либо на ошибочность стратегии (тогда ведется поиск альтернатив при сохранении сотрудничества).

Следует также рассмотреть функциональные и целевые взаимосвязи переменных [Stinchcombe 1987; Разработка 2001, с. 148–164], которые в разных условиях способны формировать контуры обратной положительной связи, ведущие к росту, развитию, расцвету (мегатенденция “лифт”) или к глубокому кризису, деградации институтов, распаду общества (мегатенденция “колодец”) [Розов 2011, гл. 2]. Но это уже тема для отдельной работы.

Охватывающая парадигма, ее смысл и предназначение

Изложенная конструкция не является теорией, но она соединяет множество уже имеющихся и потенциальных теорий социальных и исторических изменений. Потенциально данная конструкция имеет сквозной, или охватывающий, характер во множестве измерений:

– *онтологические уровни* от базовых свойств человеческой природы и общих закономерностей социальной динамики до разнообразия исторических явлений и процессов;

– *сферы бытия* от материального мира до социальных институтов, структур психики и культурных символов;

– *временные масштабы* от событий в течение дней и недель до вековых трендов и эволюционных сдвигов;

– *социальные масштабы* от ультрамикро- (происходящего среди индивидов здесь и сейчас) до макро- (явления и процессы во всем обществе, между обществами);

– *макрособытия* в истории *от расцветов до распадов обществ*;

– *области жизни обществ* – от демографии, технологии, экономики, политики до религии и идеологии.

По каждому из этих измерений в социальном и историческом познании накоплен солидный арсенал концепций, моделей, теорий. Представленная конструкция не только позволяет соотносить их между собой, синтезировать, но и дает общий теоретический контекст для каждой частной концепции изменений, что позволяет говорить о заделе *охватывающей парадигмы*⁴ исторической динамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гемпель К. (2000) Функция общих законов в истории // *Время мира*, вып. 1. Историческая макросоциология в XX в. Новосибирск. С. 13–26.

Даймонд Дж. (2008) *Коллапс: Почему одни общества выживают, а другие умирают*. М.: АСТ–Астрель.

Кант И. (1994) *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* // Кант И. Соч. М.–Марбург. Т. 1. С. 79–123.

Козер Л.А. (2000) *Функции социального конфликта*. М.: *Идея-пресс*. Дом интеллектуальной книги.

Коллинз Р. (2015) *Макроистория: очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС.

Коллинз Р. (2002) *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Кун Т. (1977) *Структура научных революций*. М.: Прогресс.

Лакатос И. (1995) *Фальсификация и методология научно-исследовательских программ*. М.: Меддум.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011) *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Издательство Института Гайдара.

⁴ Термин “охватывающая” (*covering*) взят в качестве реминисценции и дани почтения знаменитой статье Гемпеля (1942) “Функция общих законов в истории” [Гемпель 2000], основную идею которой стали называть методологией “охватывающих законов” (*covering laws*). “Парадигма” – термин Т. Куна [Кун 1977], но здесь его смысл ближе к “научной исследовательской программе” И. Лакатоса [Лакатос 1995].

Разработка и апробация метода теоретической истории (2001) Серия “Теоретическая история и макросоциология”. Вып. 1. Новосибирск: Наука.

Розов Н.С. (2009) Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск: НГУ.

Розов Н.С. (2011) Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI в. М.: РОССПЭН.

Тилли Ч. (2009) Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего.

Тойнби А. (1991) Постигание истории. М.: Прогресс.

Carneiro R. (1970) Scale Analysis, Evolutionary Sequences, and the Rating of Cultures. A Handbook in Cultural Anthropology. New York: Natural History Press, Garden City. Pp. 834–871.

Chase-Dunn Chr., Hall Th. (1997) Rise and Demise: Comparing World-systems. Boulder (CO): Westview Press.

Collins R. (1986) Weberian sociological theory. New York: Cambridge Univ. Press.

Collins R. (2004) Interaction Ritual Chains. Princeton–Oxford: Princeton Univ. Press.

Goffman E. (1967) Interaction Ritual: Essays on Face-to-face Behavior. New York: Anchor.

Goudsblom J., Jones E., Mennel S. (1996) The Course of Human History: Economic Growth, Social Process, and Civilization. New York: M.E. Sharp.

Mann M. (1987) The Sources of Social Power. Vol. I. A History of Power from the Beginning to A.D.1760. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Sanderson S. (1995) Social Transformations: a General Theory of Historical Development. London: Basil Blackwell.

Skocpol Th. (1979) States and Social Revolutions. New York: Cambridge Univ. Press.

Snooks G. (1996) The Dynamic Society: Exploring the Sources of Global Change. London–New York: Routledge.

Stinchcombe A. (1987) Constructing Social Theories. Chicago–London: The University of Chicago Press.

Tainter J. (1988) The Collapse of Complex Societies. Cambridge–New York: Cambridge Univ. Press.

The Dynamics of Rises and Breakdowns of Societies: Toward a Covering Paradigm

ROZOV N.*

* *Rozov Nikolai* – doctor sciences (Philosophy), leading researcher, Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of RAS, professor of Novosibirsk State University, Philosophy Department. Address: 2, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation. E-mail: nrozov@nsu.ru.

Abstract

The paper presents a sketch of the covering paradigm of macrosocial dynamics which is used to explain opposite vectors: rises and breakdowns of societies via basic human needs, laws and mechanisms of social relations and institutions formation, interactive rituals, attitudes and habitus, cultural symbols, and common principles of dynamics. The phase model includes negative challenges (damages, threats); positive challenges (opportunities); different types of response strategies (the pattern of trust and the pattern of alienation); primary and accompanying conditions, that either reinforce or undermine these patterns. This general conceptual construction is not a theory, but it connects a lot of existing and potential theories of social and historical change, that is, it has the status of the covering paradigm (in memory to ‘covering laws’ by K. Hempel).

Keywords: historical dynamics encompassing paradigm, flourishing society, the disintegration of society, historical patterns, basic needs, rituals, challenges and responses, plant habitus, confidence, alienation, conflict, competition, cooperation.

REFERENCES

- Carneiro R. (1970) Scale Analysis, Evolutionary Sequences, and the Rating of Cultures. *A Handbook in Cultural Anthropology*. New York: Natural History Press, Garden City, pp. 834–871.
- Chase-Dunn Chr., Hall Th. (1997) *Rise and Demise: Comparing World-systems*. Boulder (CO): Westview Press.
- Collins R. (1986) *Weberian sociological theory*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton–Oxford. Princeton Univ. Press.
- Collins R. (2015) *Makroistoriya: ocherki sociologii bolshoy dlitelnosti* [Macrohistory: essays in sociology of the long run]. Moscow: URSS.
- Collins R. (2002) *Sociologia filosofiy: globalnaya teoriya intellektualnikh izmeneniny* [Sociology of Philosophies: a Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk: Sibirsky Hronograf.
- Daymond J. (2008) *Kollaps: Pochemu odni obshchestva vizhivayut, a drugie umirayut* [Collapse: How Societies Choose to Fail or Survive]. Moscow: AST–Astrel.
- Goffman E. (1967) *Interaction Ritual: Essays on Face-to-face Behavior*. New York: Anchor.
- Goudsblom J., Jones E., Mennel S. (1996) *The Course of Human History: Economic Growth, Social Process, and Civilization*. New York: M.E. Sharp.
- Hempel K. (2000) Funkciya obschih zakonov v istorii [The function of general laws in history]. *Vremya mira*, vol. 1. Istoricheskaya makrosociologiya v XX v. [Time of the World. Vol. Historical Macrosociology of XX Century]. Novosibirsk, pp. 13–26.
- Kant I. (1994) Ideya vseobschey istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane [The idea for universal history in world-wide-civil plan]. Kant I. Soch., v 8 t., vol. 1 [Works in 8 t]. Moscow–Marburg, pp. 79–123.
- Koser L.A. (2000) *Funkcii socialnogo konflikta* [The functions of social conflict]. Moscow: Ideya Press. Dom intellektualnoy knigi.
- Kuhn Th. (1977) *Struktura nauchnih revolyuciy* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress.
- Lakatos I. (1995) *Falsifikaciya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program* [Falsification and the methodology of scientific research programs]. Moscow: Medium.
- Mann M. (1987) *The Sources of Social Power*, vol. I. A History of Power from the Beginning to A.D.1760. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasilie i socialnie poryadki. Konceptualnie ramki dlya interpretacii pismennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
- Razrabotka i aprobaciya metoda teoreticheskoy istorii* (2001) [Elaboration and approbation of the method of theoretical history]. Seriya Teoreticheskaya istoriya i makrosociologiyam vol. 1. Novosibirsk: Nauka.
- Rozov N.S. (2009) *Istoricheskaya makrosociologiya: metodologiya i metodi* [The historical macrosociology: methodology and methods]. Novosibirsk: NSU.
- Rozov N.S. (2011) *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategiy Rossii v XXI v.* [Track and pass: macrosociological foundations of Russia's strategies in the twenty-first century] Moscow: ROSSPAN.
- Sanderson S. (1995) *Social Transformations: a General Theory of Historical Development*. London: Basil Blackwell.
- Skocpol Th. (1979) *States and Social Revolutions*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Snooks G. (1996) *The Dynamic Society: Exploring the Sources of Global Change*. London–New York: Routledge.
- Stinchcombe A. (1987) *Constructing Social Theories*. Chicago–London: the University of Chicago Press.
- Tainter J. (1988) *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge–New York: Cambridge Univ. Press.
- Tilly Ch. (2009) *Prinuzhdenie, kapital i evropeyskie gosudarstva. 990–1992 gg.* [Coercion, capital and European states 990–1992]. Moscow: Territoriya buduschego.
- Toynbee A. (1991) *Postizhenie istorii* [Study of history]. Moscow: Progress.